

Рассказ Зевса

Пятнадцать лет я ждал этого и вот! Это ситуация, в которой я оказался, чтобы объяснить всему миру, кто я и почему я здесь. Я меньше всего хотел делать это, но - видя все, чему я был свидетелем, особенно за последний год, - я не могу не чувствовать, что это - лучшее, что можно сделать.

Я забираю у сына свиток, один из многих, которые держит в руках этот человек, и говорю: "Иди и приведи наших преступников". Бог Путешественников кивает, и хотя его счастливая, возбужденная улыбка все еще на месте, его глаза доказывают, что он относится к этому так же серьезно, как и я, прежде чем он внезапно исчезает из-за своей собственной возросшей скорости.

В этот момент я не могу сдерживать маленькую гордую ухмылку, которая появляется на моем лице, поскольку я не могу дождаться, когда эти четыре ублюдка получат свое заслуженное вознаграждение, и я снова поворачиваюсь от Фаджа, на которого я смотрел, пока входил и заказывал Гермеса, к моему собственному маленькому сыну, который смотрит на меня озадаченно и растерянно, когда я мягко говорю:

"Встань со стула, Харрисон, Гермесу он понадобится через минуту". И пока мальчик с шокированным и растерянным видом выполняет мою просьбу, некоторые члены Визенгамота шокированы тем, что я так мягко обратился к мальчику, как вдруг по обе стороны от того места, где сидел мальчик, появляются три таких же стула.

Голова Гарри мотается туда-сюда, он потрясённо смотрит на стулья, а я говорю: "Тебе стоит сделать несколько шагов вперед, Харрисон. Гермес скоро будет здесь, и он может задавить тебя, если ты этого не сделаешь". И пока зеленые глаза мальчика все еще широко раскрыты от шока, он следует моему совету, который не заставил себя ждать.

Ровно через секунду мимо кресел проносятся три мощных порывистых ветра, один из которых сбрасывает в первое кресло взрослого молодого человека, второй - пожилую женщину, девочку, которая всего на год старше моего сына, и мальчика, ровесника Гарри, в другое кресло, а третий связывает и затыкает рот всем четверым.

У всех четверых ярко-рыжие волосы, широко расставленные глаза, и они кричат от шока и позора, осознавая, что произошло, но пока Гарри смотрит на четверых совершенно опустошенный и растерянный, я чувствую, как на моем лице растет ухмылка, когда я смотрю на их положение, уже представляя, что они будут чувствовать через несколько мгновений после этого.

Затем все четверо замечают меня, и старшая женщина, которая, очевидно, является матерью, начинает кричать сквозь кляп, явно пытаясь приструнить меня и заставить отпустить ее, но все, что делает ее кричащий голос, это заставляет мою ухмылку смениться яростной гримасой, прежде чем я копаюсь в себе и позволяю своей силе высвободиться.

Мгновенно вспышка грома ударяет между ног женщины, и в то время как она кричит в ужасе, я чувствую себя ужасно, когда Харрисон поворачивается ко мне и кричит: "Прекрати! Что ты делаешь! Это мои друзья!" Однако когда я перевожу свой гневный взгляд с них на собственного сына, в глазах дрожащего мальчика появляется сомнение, и он спрашивает:

"А разве нет?". И я только качаю головой, не желая причинять сыну лишнюю боль, но тут один из людей в Визенгамоте спрашивает: "Конечно, да! Все знают о дружбе Поттера с Уизли. Кем же им еще быть?" И хотя я ненавижу себя за эти слова, я все же спрашиваю:

"А как насчет коварных предателей, которые составили против него заговор и причиняют ему боль, подобную той, что причинило вашему миру предательство Лили и Джеймса?" И говорившая женщина мгновенно замолкает от потрясения, а дрожащий голос сына разрывает моё бессмертное сердце, спрашивая: "Что... о чём ты говоришь?"

Затем он снова обращается к предателям и спрашивает: "Они... они не могли". Затем он снова поворачивается ко мне и почти бездыханно спрашивает: "А они могли?". И хотя больше всего на свете мне хочется избавить сына от правды, я игнорирую его вопрос, поворачиваясь к Гермесу, зная, что следующий шаг должен быть сделан, и говорю:

"Сходи за ним. Я хочу, чтобы он был здесь, когда все станет известно. Он должен быть здесь, ради Гаррисона". И хотя это, кажется, волнует и ранит моего маленького Молнию еще больше, Гермес кивает, весь смех и счастье исчезают с его лица, прежде чем он снова исчезает во вспышке своей собственной скорости, убегая снова.

Я снова поворачиваюсь к сыну, который, кажется, снова набирается сил и спрашивает: "Кого - кого еще из моих друзей ты хочешь посадить в тюрьму?" Но я закрываю глаза, качаю головой и говорю: "Этот человек не будет заключен в тюрьму, Гаррисон. Я не хочу, чтобы он причинил тебе вред, скорее, я хочу, чтобы он был здесь - чтобы поддержать тебя".

Это, похоже, и успокоило, и встревожило Харрисона еще больше, пока вдруг не вернулся Гермес, а с ним и человек, за страданиями которого я вынужден был наблюдать так же долго, как за страданиями своего собственного маленького мальчика, человек с матовыми черными волосами, мягко сияющими серо-голубыми глазами и в довольно красивом костюме, скрывающем недоедание его формы.

Все вокруг закричали от шока, увидев его, а некоторые даже выхватили свои палочки, разозлив меня тем, что я выпустил новые молнии по всему залу суда, ясно предупреждая всех, кто это сделал, бросить свои палочки, прежде чем я оглянулся на мужчину, увидел, что он ухмыляется, как будто ожидал от меня не меньшего, и сказал:

"Мне очень не хватало видеть, как ты теряешь контроль над собой". Одни эти слова умили мой гнев и заставили меня улыбнуться мужчине, после чего я сказал: "Иди, ты нужен Харрисону. Просто оглянись назад, и ты поймешь, почему". И когда мужчина это делает, его глаза расширяются, прежде чем он поворачивается ко мне, желая задать вопрос, прежде чем он кивает и уходит.

Я смотрю ему вслед, и когда чувствую, что сзади меня надвигается заклинание, мгновенно вызываю грозное облако, которое настигает заклинание, уничтожая его и облако одновременно и шокируя заклинателя, которым, я уверен, является сам министр, и улыбаюсь, когда Сириус доходит до моего сына и спрашивает: "У тебя есть какие-нибудь идеи на этот счёт, Гарри?".

И одного этого спокойного обращения мужчины к своему маленькому мальчику - нашему маленькому мальчику - достаточно, чтобы ещё несколько палочек выпали из рук их потрясённых владельцев, прежде чем я прочищаю горло и поворачиваюсь к мужчине, который - хотя и встал на защиту моего сына - похоже, даже не побеспокоился о том, чтобы услышать,

как я говорю:

"Дамблдор, пожалуйста, наложите на Гаррисона и Сириуса заклинание Приватности. Я не хочу, чтобы Гаррисон слышал о преступлениях этих недоумков здесь, это будет неправильно для него. Он должен узнать об этом в обстановке, где он чувствует себя в безопасности и любим, и если бы это не было его первым слушанием, то я бы не позволил этому событию произойти здесь с самого начала".

И хотя мой сын хотел возразить, когда я заговорил о заклинании Приватности, он молчит, пока я говорю о своих истинных желаниях, его глаза показывают как его замешательство, так и доверие, которого я не ожидал получить от сильно обиженного мальчика, прежде чем Дамблдор, увидев тот же взгляд, кивает и достаёт свою палочку.

Он произносит заклинание, и пока четверо сидящих на своих местах всё ещё молчат от шока, вызванного моими предыдущими молниями - одна из них попала в старшего мальчика, когда он пытался бороться с цепями при виде прибывшего Сириуса, - они поворачиваются от этих двоих, у Гарри теперь прозрачный пузырь вокруг головы, ко мне, их глаза потрясены и испуганы.

Я не могу не ухмыльнуться, чувствуя, что их страх вполне заслужен, и быстро собираю магию своей внутренней силы в своих голосовых связках, заставляя свой голос греметь на всю комнату и заставляя женскую половину четвёрки вскрикивать от страха, когда я громко заявляю, чтобы все вокруг меня услышали:

"Молли Энн, Персиваль Игнатиус, Рональд Биллиус и Джинерва Молли, вы четверо можете думать, что ваши действия остаются незамеченными. Вы можете думать, что скрываете отвратительные действия своих замыслов против Гаррисона. Но вы не можете ошибаться, ибо ничто - НИЧТО - не ускользает от глаз Богов!"

И с этими словами я демонстрирую им ухмылку, которая основана исключительно на моих восхищенных мыслях о том, что я скоро смогу выпустить на них, и все четверо начинают сильно дрожать при виде этого, и пока я подавляю эти мысли, я поворачиваюсь к Гермесу, и его морщинка доказывает, что я немного не справился, когда я говорю:

"Приведите его, я хочу, чтобы единственный стоящий Уизли присутствовал здесь, когда я раскрою преступления этих ничтожеств". Мужчина кивает, бросается к нам, но не использует всю свою скорость, так как бежит к дверям, открывает их и говорит: "Лучше заходите сюда. Не спрашивай, мне все равно, и этому здоровяку тоже, просто заходи. Ты должен быть здесь, понятно?"

И пока я гадаю, заметил ли пожилой человек, стоящий по ту сторону двери, как мимо него два раза прошел Бог Путешествий, входит Артур Уизли, глаза которого сначала расширяются при виде Сириуса и Гаррисона вместе, а затем ухудшаются, когда он проходит мимо и видит связанные фигуры своей жены, сыновей и дочери.